

Преступность в ареале “столкновения цивилизаций”: пример Украины и Беларуси

Аннотация

Социальное пространство Украины и Беларуси характеризуется своеобразной полярностью по оси Восток–Запад. Существование устойчивых различий между восточными и западными регионами, вероятно, следует объяснять продолжительным влиянием двух цивилизаций западной (латинской) и восточной (православной, или русской). Наблюдаемые различия охватывают целый комплекс характеристик ментальной сферы, включая социополитические, демографические, медико-социальные показатели и проявления религиозной жизни. В настоящем исследовании рассматривается устойчивый паттерн в распределении показателей преступности в контексте исторического районирования Украины и Беларуси.

Ключевые слова: *уровень преступности, уровень смертности от убийств, Украина, Беларусь, восточные / западные регионы*

Ключевым моментом настоящей работы является предположение о том, что специфика культурной среды определенных регионов обусловлена особенностями их исторического развития. Социальное пространство Украины и Беларуси формировалось как результат исторического противодействия двух цивилизаций: западной (латинской) и восточной (православной, или русской) (см., напр.: [Абдзіраловіч, 1993; Braudel, 1994, 1995; Huntington, 1993]). Влияние различных государственных, религиозных и культурных формаций с запада на восток обусловило формирование на территории обоих государств своеобразной исторической зональности. Проявление этой зональности наиболее четко определяется при сравнении регионов, прежде входивших в состав разных государств. Поэтому в методологический аппарат настоящего исследования включено понятие “исторической границы”.

Линии исторических границ очерчивают сферы влияния двух цивилизаций. Перемещение этих границ не означало автоматической и полной замены цивилизационных устоев. Большие группы коренного населения пе-

реходили в состав другого государства; они, практически в одночасье, оказывались в сфере влияния иной цивилизации, порой обращались в иную веру либо принуждались к отказу от религиозных практик. Тем не менее, в функционировании локальных сообществ сохраняли свое влияние устойчивые характеристики (исторические структуры), которые определяли долговременную специфику социального пространства.

В современном поле общественной жизни Украины и Беларуси широко известны региональные различия по оси Восток–Запад в показателях религиозности и электоральной статистики. Однако региональные различия носят комплексный характер, они охватывают целый набор социальных, демографических и медико-социальных показателей [Кандрычын, 1999, 2008; Чепелевская, 1995; Kandryčyn, 2008, Kondrichin, Lester, 2002].

Показатель преступности является одним из самых важных, отражая самое болезненное проявление дисфункции социальной сферы. Особое значение он приобретает в период трансформационных изменений общества, поэтому вполне оправданны выделение этого показателя из набора других социальных показателей и детальный анализ его распределения и динамики в контексте исторического развития регионов.

Сравнительный анализ региональных характеристик преступности, выполненный в рамках социоисторического подхода, следует рассматривать в качестве одного из наиболее масштабных методов изучения эпидемиологии криминогенных факторов. Такая масштабность предусматривает рассмотрение наиболее общих, культурных и исторических механизмов, обуславливающих различие криминогенной ситуации на больших территориях (или в группах регионов). В этой обобщенности одновременно заключаются ограничение и достоинство работы. С одной стороны, выводы, сделанные на основании анализа групп регионов, могут иметь только обобщенный характер, и их практическое значение не всегда ясно определяется. В то же время именно такие, генерализующие сведения, полученные в результате анализа больших территориальных единиц, могут служить отправным моментом в разработке комплекса мероприятий по борьбе с преступностью.

Показатель преступности, как и любой другой социальный показатель, имеет сложную, интегральную природу и состоит из ряда составляющих, каждая из которых отражает действие различных причинных механизмов. Однако при всей своей внутренней гетерогенности этот показатель выражает определенные общие характеристики функционирования локальных сообществ, и, в наиболее широком понимании, его можно рассматривать как специфическое проявление действия культурной среды. Иными словами, совокупность культурных факторов воздействует на формирование и проявление различных форм преступности, что находит отражение в суммарном показателе преступности¹.

Данное исследование относится к типу работ, изучающих долговременные эффекты истории или различные варианты воздействия устойчивых структур истории, проявляющихся в границах влияния разных цивилиза-

---

¹ Имеется в виду количество всех правонарушений, рассчитанное на 100 000 населения. Дальше в тексте сравниваются между собой рассчитанные для определенного количества населения показатели (убийств — на 100 000 населения, преступности в целом — на 10 000 населения).

ций. В своей теоретической части оно базируется на концепции *longue durée*, сформулированной в трудах представителей школы Анналов, и на выводах о значении “исторической травмы” в формировании устойчивых региональных отличий [Braudel, 1980; Vovelle, 1990]. В рассматриваемом случае исторической травмой следует считать и само территориальное деление сфер влияния двух цивилизаций, и исторический процесс изменения государственных границ. При этом показатель преступности по всем “критериям” может быть отнесен к числу индикаторов действия долговременных исторических механизмов истории.

Исторический пример Украины и Беларуси интересен, в первую очередь, тем, что он представляет существование долговременных различий, проявившихся в границах некогда единого социоэкономического и политического пространства. Выравнивание уровня благосостояния населения различных регионов являлось непосредственной целью и эффектом советской политики. Это позволяет исключить из сравнительного анализа региональных различий значимость причин экономического характера. Такая позиция находит подтверждение в результатах анализа статистических показателей уровня жизни в регионах, а также подтверждена результатами некоторых исследований [Kandryun, 2008; Barrington, Herron, 2004].

С целью проведения социоисторического районирования территории обеих стран предложено использовать понятие исторической границы. В течение трех минувших столетий на территории Беларуси и Украины наиболее значимыми по своим историческим последствиям были две границы:

- граница 1772 года, или граница, существовавшая до начала раздела Речи Посполитой и последующего включения Беларуси и Правобережной Украины (1793) в состав Российской империи;
- граница 1939 года, существовавшая до начала Второй мировой войны (ее ликвидация сопровождалась присоединением западных территорий Беларуси и Украины к СССР).

Необходимо отметить методологическую условность предложенных геоисторических ориентиров, поскольку понятие “историческая граница” предполагает не только ее конкретно историческое значение, заданное узким временным промежутком (например, 1921–1939 годы), но и широкий контекст цивилизационного развития, имеющий свою предысторию и свой “культурный капитал”.

Характер современного административного деления Беларуси и Украины предоставляет возможность проведения сравнительных региональных исследований в историческом аспекте. На территории Украины можно выделить три исторические группы регионов:

- восточная — включает 13 областей Левобережной Украины и южные регионы страны (в том числе Автономную Республику Крым). На этой территории наиболее выражено влияние русской (православной) цивилизации;
- центральная — включает 5 правобережных областей в центре страны; до 1793 года эта территория входила в состав Речи Посполитой (Киев исключен из исследования);
- западная — включает 7 областей, территория которых до 1939 года находилась в составе Польши (5 областей), Чехословакии и Румынии (по одной области), а в XIX и начале XX столетия большая часть этой территории входила в состав Австро-Венгерской империи.

Оценка различий характеристик социального пространства групп регионов Беларуси и Украины проводилась относительно границы 1939 года. Для Украины были использованы также данные о региональном делении относительно границы 1793 года. Представленный метод изучения социальных показателей с учетом исторического районирования был использован автором в ряде предыдущих исследований [Кандрычын, 1999, 2008; Kandryčyn, 2008; Kondrichin, Lester, 2002].

В работе использованы данные официальной государственной статистики, представленные в отчетных документах и публикациях министерств статистики Украины и Беларуси.

Пример дифференциации социального пространства Украины следует отнести к наиболее известным вариантам проявления действия исторического фактора в современном поле общественной жизни [Кандрычын, 2008; Barrington, Herron, 2004; Huntington, 1993; Kandryčyn, 2008; Kandryčyn, Lester, 2002]. Результаты предыдущих исследований свидетельствуют о том, что показатели социальной патологии в большей степени выражены в Восточном регионе Украины. Соответственно, следует предполагать, что и уровень преступности также будет выше на Востоке страны.

Данные о распределении уровня преступности по трем историческим регионам страны представлены на рисунке 1 (рис. и табл. см. Приложение). При этом в рассматриваемый период (1985–2007) четко проявляется историческая зональность. В каждом году показатель был значительно выше в Восточном регионе, чем в Западном (t -test, $p < 0,05$), при этом центральный исторический регион по уровню преступности устойчиво занимал промежуточное положение.

Подобный характер пространственного распределения показателя преступности целиком совпадает с характером распределения других показателей социальных болезней, поэтому тут следует говорить о существовании определенной закономерности в пространственной дифференциации.

Учитывая тот факт, что регистрируемый уровень преступности несколько отличается от реального, а различия показателей преступности в западных и восточных областях могут быть вызваны искажением и особенностями ведомственной отчетности, отдельно для рассмотрения был выбран показатель убийств.

Этот показатель, при очевидных погрешностях в его регистрации (например, обусловленных ограничениями в объеме криминалистической экспертизы при предполагаемых несчастных случаях или самоубийствах), вероятно, является одним из наиболее достоверных среди показателей правонарушений. Относительно высокая надежность в регистрации случаев убийств определяется тяжестью такого преступления, его социальной значимостью и рядом других факторов.

Данные по уровню убийств по трем историческим регионам Украины представлены на рисунке 2. Характер пространственного распределения показателя убийств совпадает с характером региональной дифференциации общего показателя преступности и отражает тенденцию к более высокому уровню проявлений социальной патологии на Востоке страны.

Исторические и географические причины обусловили специфику социального пространства Беларуси (что еще раз подчеркивает ценность международного сравнения). Однако специфика Беларуси не исключает возможности применения сходной процедуры социоисторического анализа.

До 1772 года вся территория современной Беларуси входила в состав Речи Посполитой. После раздела Польши она вошла в состав Российской империи. Последним историческим разделом страны, или наиболее поздней “исторической травмой”, следует считать границу на ее территории между СССР и Польшей, которая просуществовала до начала Второй мировой войны.

Две западные области — Брестская и Гродненская — и две восточные — Гомельская и Могилевская до 1939 года — целиком находились по разные стороны польско-советской границы. Поэтому настоящее сравнение показателей двух западных и двух восточных областей Беларуси может отражать долговременные последствия прежнего политического и социального деления.

Сравнительный анализ распределения среднего значения показателя преступности по двум западным и двум восточным областям Беларуси представлен на рисунке 3.

Результаты сравнения подтверждают наличие закономерности, проявляющейся на карте Украины, — западные регионы устойчиво демонстрируют более низкие показатели преступности, чем восточные. Кроме того, как выявили предыдущие исследования, в восточных областях Беларуси, по аналогии с восточными областями Украины, основные показатели социальной патологии более выражены, что предполагает существование более неблагоприятной социокультурной среды [Кандрычын, 2008; Kandryčyn, 1999].

Отношение уровня преступности в восточных и западных регионах двух стран представлено в таблице 1. Если в первой половине 1990-х годов различие показателей преступности в восточных и западных регионах Украины и Беларуси при всех заметных колебаниях оставалось практически двукратным, то после 1997 года в обеих странах стала наблюдаться тенденция к уменьшению региональных различий. В последующем в Украине регистрировалось некоторое увеличение различия в показателях преступности восточных и западных регионов и его стабилизация на уровне 1,7–1,8 на 10 000 населения, тогда как для Беларуси это различие постепенно уменьшалось до уровня 1,38 в 2007 году.

Представленная в таблице тенденция не может иметь однозначного теоретического истолкования. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, западные и восточные регионы Украины и Беларуси не сопоставимы по многим историческим и социокультурным характеристикам, поэтому любое сравнение будет иметь лишь ориентировочный характер. Так, по уровню преступности западные области Беларуси больше схожи с центральным регионом Украины.

Во-вторых, оценка межрегиональных различий затруднена из-за особенностей процессов, происходящих на разных системных уровнях: общенациональном и региональном. Кроме того, она требует сопоставления составных компонентов показателя преступности и исследования методов регистрации, используемых в разных государствах.

Вполне вероятно, что тенденция уменьшения региональных различий в показателях преступности является результатом политики “борьбы за показатели”, проводимой в современной Беларуси. Показатель преступности традиционно выступает в качестве основного критерия эффективности деятельности правоохранительных органов и критерия благополучия жизни общества. Его регистрация затруднена в силу нескольких причин, и эти искажения могут усиливаться при определенной политике государства. На то,

что “выравнивание” показателя преступности в Беларуси имеет скорее искусственный характер, указывает и устойчивая дифференциация показателя убийств между восточными и западными регионами (см. ниже).

Однако представленный пример можно рассматривать в качестве одного из косвенных доказательств существования общей направленности социальных процессов на определенных исторических этапах развития соседних государств. Если воспользоваться терминологией Бурдьё, в этом случае можно наблюдать работу механизма регулируемой импровизации истории [Bourdieu, 1977].

По аналогии с Украиной прослежена динамика показателя убийств в западных и восточных областях Беларуси (рис. 4). Были исследованы разные исторические промежутки — 1960-е годы и современный этап (1990–2007). Несмотря на существенные колебания уровня межрегиональных различий (отношение показателей в 1960 году составляло 1,7, а в 1965-м — всего 1,1), на протяжении всего исследуемого периода показатель убийств в восточных регионах был выше. Причем и в период 1960-х, и в период с 1990-го по 2007 год средняя величина отношения показателя убийств на Востоке и Западе страны составляла 1,4. Тем не менее, на современном этапе межрегиональные различия становятся более заметными и социально значимыми из-за роста абсолютных показателей.

Необходимо отметить, что устойчивые и статистически значимые межрегиональные различия в уровне убийств наблюдаются между восточными и западными районами Минской и Витебской областей Беларуси [Кандрычын, 2008; Kandryčyn, 2008]. Граница 1939 года делила современную территорию этих областей на восточную и западную части. В настоящее время это проявляется в различиях социальных показателей на уровне районов (т.е. задает относительно четкие геоисторические очертания для относительно небольших региональных общностей).

Также следует отметить, что на территории Беларуси межрегиональные различия показателей преступности и убийств соответствуют характеру пространственных различий целого комплекса социальных и демографических показателей (в том числе показателей социального неблагополучия: алкоголизма, наркомании, заболеваемости туберкулезом и т.д.), что позволяет, как и в случае с Украиной, говорить о существовании более неблагоприятного социокультурного фона в восточных областях или меньшей устойчивости этих локальных сообществ к действию деструктивных факторов.

В контексте настоящего исследования несомненный интерес представляет регистрируемый градиент роста преступности в направлении с запада на восток на всей территории Восточной Европы (полная его оценка затруднена из-за специфики регистрации и статистической отчетности в отдельных государствах этого региона). В 2002 году показатель преступности (на 10 000 тыс. населения) для Украины, Беларуси и Российской Федерации, соответственно, был равен 95,5; 134,0 и 175,6.

В ряде исследований представлены убедительные доводы в пользу того, что различие социальных показателей между западными и восточными регионами Украины и Беларуси не зависит от композиционных характеристик и особенностей половозрастного состава населения отдельных регионов [Кандрычын, 2008; Barrington, Herron, 2004; Kandryčyn, 2008]. Дифференциация “Восток–Запад” — это в большей степени проявление “внутренней”, исторически обусловленной характеристики отдельных регионов, которая может

быть определена с помощью таких обобщающих терминов, как культурная среда, региональная ментальность, психосоциальная композиция и др. Эта региональная специфика, в той или иной мере, распространяется на все население региона, вне зависимости от пола, возраста и места жительства.

В предыдущих работах я обсуждал возможное влияние других конкурирующих факторов, обуславливающих многомерную региональную специфику. И среди прочих выделялся фактор урбанизации и опосредуемая им “модернизация” социальных устоев [Кандрычын, 2008; Kandryčyn, 2008]. На основании данных регионального анализа было высказано суждение о том, что фактор урбанизации не является ведущим в формировании устойчивых различий в социальной композиции восточных и западных областей.

В качестве подтверждения высказанного суждения ниже представлены данные о смертности от убийств отдельно для городского и сельского населения западных и восточных областей Беларуси (рис. 5 и 6), а также показатели смертности от убийств мужчин различных возрастных групп (рис. 7); данные по возрастным группам указаны за 1999-й — год последней переписи населения Беларуси.

Влияние культурной среды одновременно определяется в формировании различных противоправных действий, то есть оно имеет неспецифический характер и различные точки приложения. Поэтому следует ожидать, что исторически сформированный социокультурный фон будет влиять и на количество других видов правонарушений, а не только особо тяжких. Данные о случаях хулиганства (рис. 8) и подростковой преступности (табл. 2) по регионам Беларуси подтверждают указанную тенденцию.

В восточных областях Беларуси чаще регистрируются случаи хулиганства (в 2000–2004 годах в среднем в 1,6 раза), и там же больше число малолетних преступников по сравнению с западными областями (с учетом приблизительно равного числа населения в двух восточных и двух западных областях Беларуси тут допустимо сопоставление абсолютных значений).

Различие уровня подростковой преступности между восточными и западными областями, вероятно, следует рассматривать как одно из звеньев в действии механизма “самоструктурирующихся структур” [Giddens, 1979], обуславливающих длительное существование на карте Беларуси градиента преступности.

Среди набора причин, потенциально ответственных за долговременную поляризацию социального пространства по оси “Восток–Запад”, следует выделить фактор духовной и религиозной жизни. Различие в уровне религиозности между восточными и западными регионами обсуждалось ранее [Кандрычын, 2008; Kandryčyn, 2008]. Представленный цивилизационный излом может быть не чем иным, как изломом духовным, который определяет комплексные различия в характеристиках региональных сообществ (см., напр.: [Тойнби, 2006]). Существование зависимости в формировании преступного поведения от деформаций духовной сферы следует признать очевидным, и данный исторический пример только служит тому подтверждением. Вероятно, что явление дифференциации социального пространства нельзя сводить только к различиям в уровне религиозности регионов, однако уровень религиозности, в интегральной его оценке, остается одним из наиболее приемлемых критериев духовного развития общества. Дальнейший анализ в этом направлении выглядит наиболее перспективным.

Ограничения

В ходе настоящего исследования акцент был сделан на предположении о доминировании факторов культурной среды в формировании показателей преступности и смертности от убийств. Тем не менее, не удалось выделить какой-либо основополагающий компонент или исторически опосредованный механизм культурного влияния. Вероятно, тут нельзя говорить о роли отдельной культурной традиции или об особых носителях культурных характеристик. Специфические свойства культурной среды как бы “растворяются” в региональной общности, они становятся общим достоянием — и в историческом смысле, и в конкретном социальном содержании. Подобная расплывчатость региональной специфики представляет одно из основных ограничений для ее научного анализа.

Кроме того, значимость культурных факторов не исключает влияния других причин в формировании показателей преступности и смертности от убийств. В данном анализе не учитывалось действие других исторических механизмов, обуславливающих различие региональных показателей на территории Украины и Беларуси. Возможность совокупного эффекта различных исторических факторов — как антропологических, так и культурных — и их суммарный эффект в процессе формирования отличительных характеристик социального пространства были представлены в отдельных исследованиях [Кандрычын, 1999; Kandryčyn, 2008].

Выводы

1. На территории Украины и Беларуси существует определенная закономерность в характере распределения показателей преступности. Более высокий уровень преступности регистрируется в восточных регионах этих стран, а более низкий — в западных.

2. Различие показателей преступности в разных исторических регионах обеих стран предполагает значимость исторического фактора в формировании устойчивых социокультурных характеристик отдельных регионов. Причем свою жизнестойкость эти характеристики сохранили, несмотря на советский период социокультурной унификации.

3. Схожесть характера пространственной ориентации в распределении показателей преступности на территории Украины и Беларуси позволяет предполагать общность в действии исторических механизмов. Одно из объяснений этого явления может заключаться в способе пространственного и исторического влияния двух цивилизаций на территории Восточной Европы.

4. Пространственная дифференциация уровня преступности совпадает с направленностью распределения целого комплекса социальных и демографических показателей, что позволяет говорить об комплексных проявлениях в действии исторических факторов. Кроме того, подобная интегральность социальной манифестации наиболее адекватно может быть описана с помощью терминов, указывающих на особенности цивилизационного развития.

5. Различие региональных показателей преступности, вероятно, обусловлено общей спецификой культурной среды регионов, то есть культурные факторы оказывают множественное и разнообразное влияние, определяют наиболее распространенные формы поведения.

6. Результаты исследования указывают на то, что региональные показатели преступности и смертности от убийств могут быть использованы наря-

ду с другими социальными показателями для описания действия структур истории (*longue durée*).

Приложение

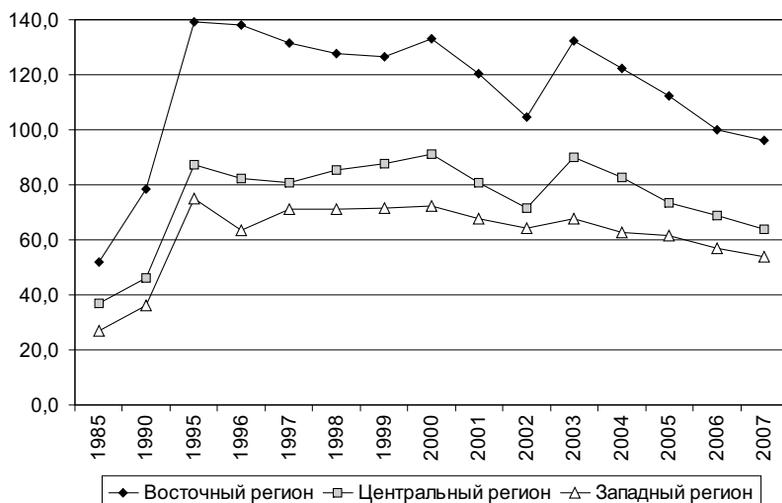

Рис. 1. Динамика показателя преступности (на 10 000 нас.) по трем историческим регионам Украины (1985–2007) (представлены средние значения показателя в группе). Для каждого года разница между восточной и западной группами статистически значима (t-test, $p < 0,05$)
 Данные по Киеву исключены из анализа, Крым включен в группу восточных областей

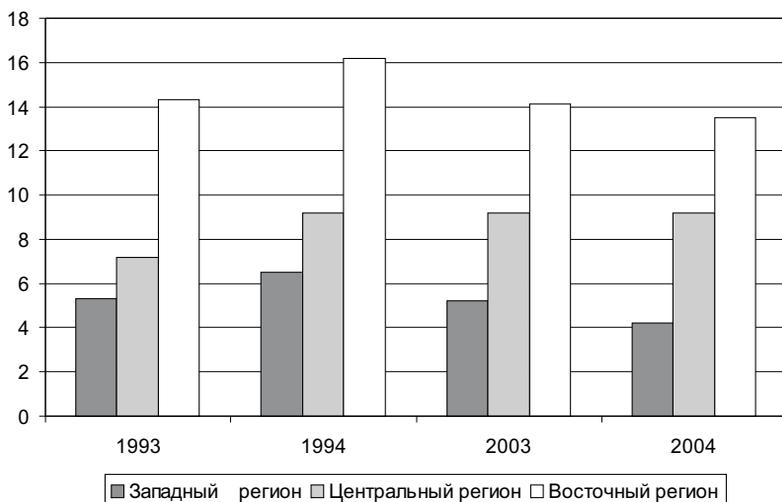

Рис. 2. Среднее значение показателя убийств (на 100 000 нас.) по трем историческим регионам Украины (1993–1994, 2003–2004)
 В каждом году разница между Восточным и Западным регионами статистически значима (t-test, $p < 0,001$)

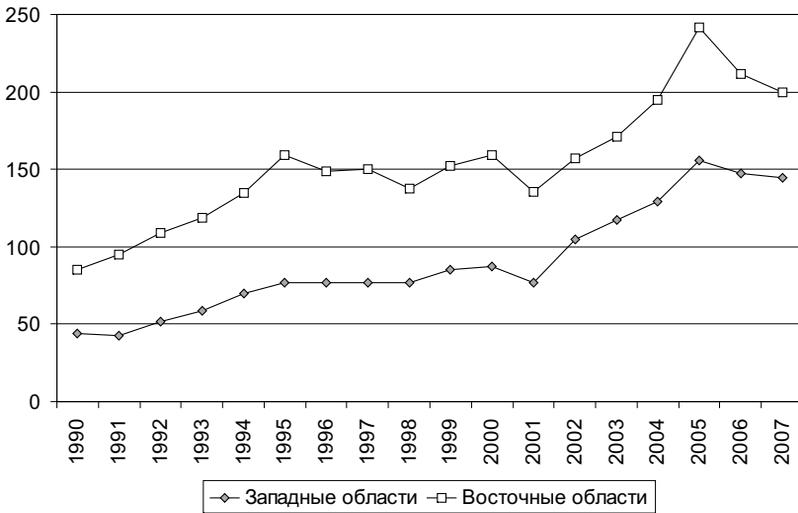

Рис. 3. Динамика показателя преступности (на 10 000 нас.) в двух западных и двух восточных областях Беларуси (1990–2007) (представлены средние значения показателя в группе)

Таблица 1

Соотношение показателя преступности в восточных и западных областях для Украины и Беларуси (1990–2007)

	1990	1995	1996	1997	1998	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Украина	2,16	1,86	2,18	1,84	1,79	1,84	1,78	1,63	1,95	1,95	1,82	1,75	1,78
Беларусь	1,94	2,08	1,94	1,96	1,80	1,83	1,77	1,50	1,46	1,51	1,55	1,43	1,38

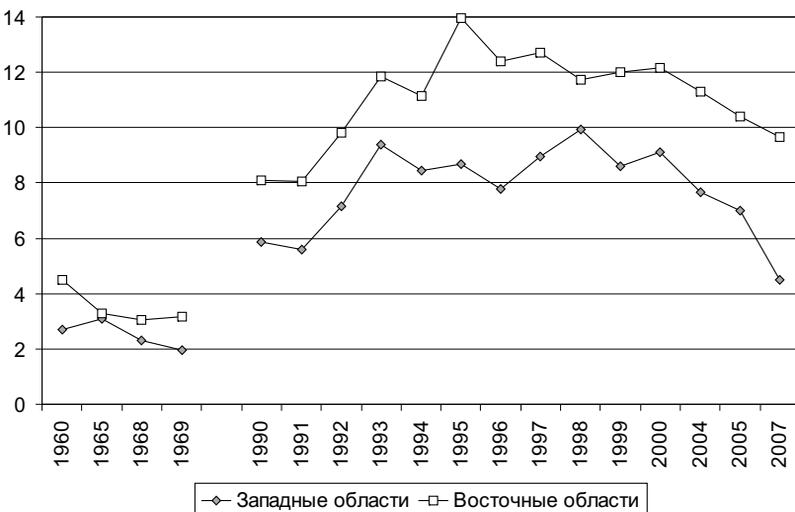

Рис. 4. Динамика показателя убийств (на 100 000 нас.) в двух западных и в двух восточных областях Беларуси (1960–1969, 1990–2007) (представлены средние значения показателя в группе)

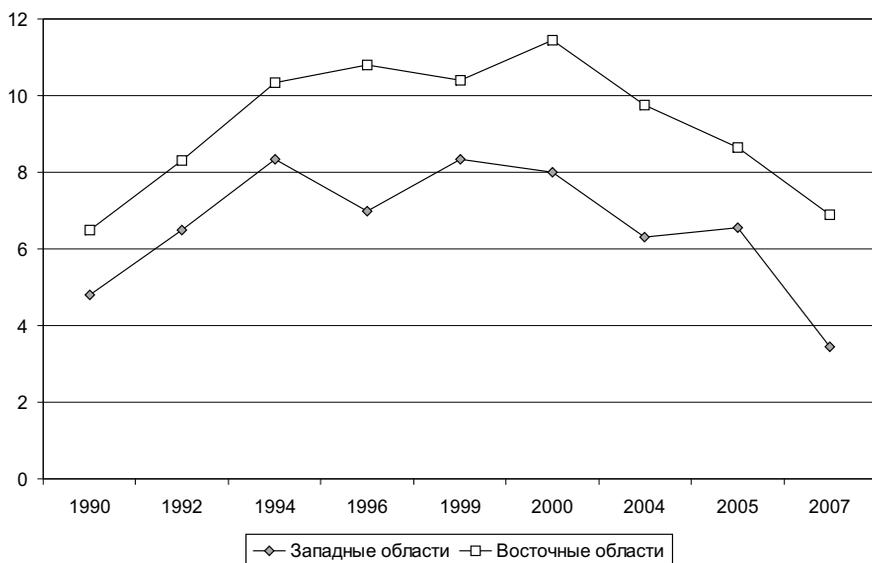

Рис. 5. Динамика показателя убийств в городской местности (на 100 000 нас.) для двух западных и двух восточных областей Беларуси (1990–2007) (представлены средние значения показателя в группе)

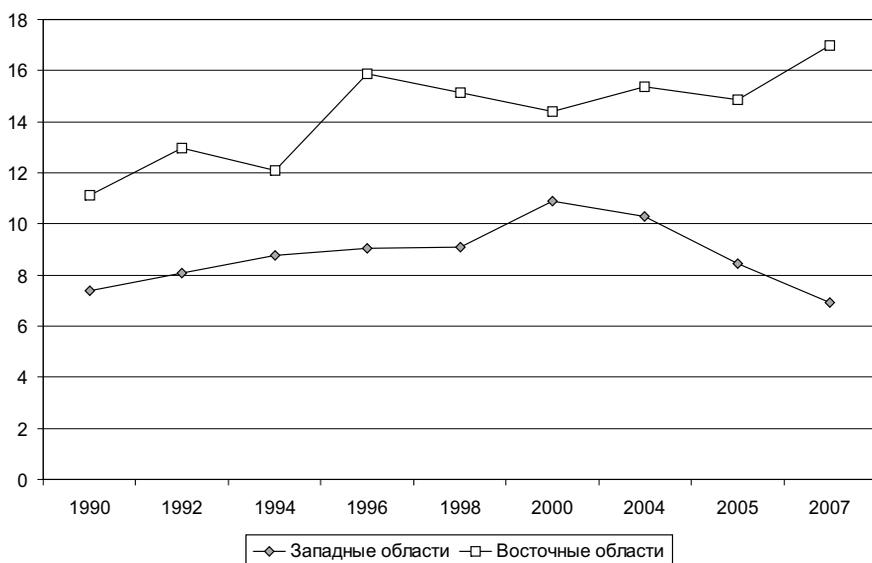

Рис. 6. Динамика показателя убийств в сельской местности (на 100 000 нас.) для двух западных и двух восточных областей Беларуси (1990–2007) (представлены средние значения показателя в группе)

Показатель убийств среди сельского населения устойчиво выше, чем среди городского, как в западных так и в восточных областях. Этот факт необходимо учитывать, говоря о возможном влиянии уровня урбанизации на формирование полярности “Восток–Запад”. Напомним, что в предыдущей работе эта гипотеза обсуждалась в качестве альтернативной [Жандрычын, 2008]

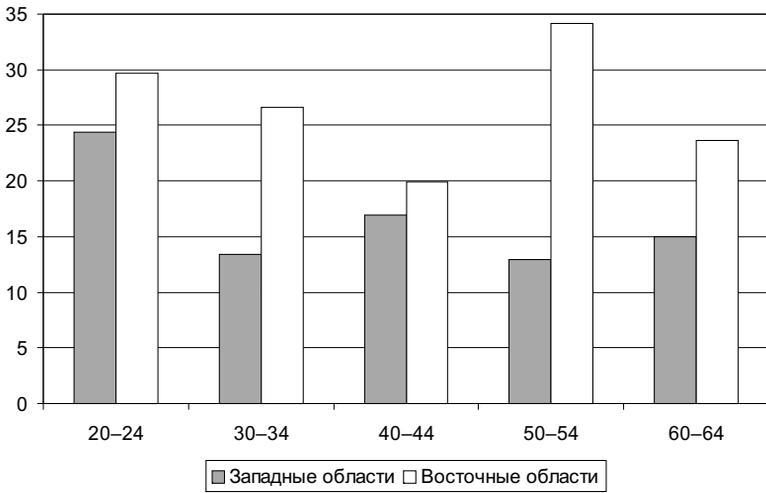

Рис. 7. Показатели смертности от убийств мужчин разных возрастных групп двух западных и двух восточных областей Беларуси (на 100 000 мужчин соответствующего возраста), 1999

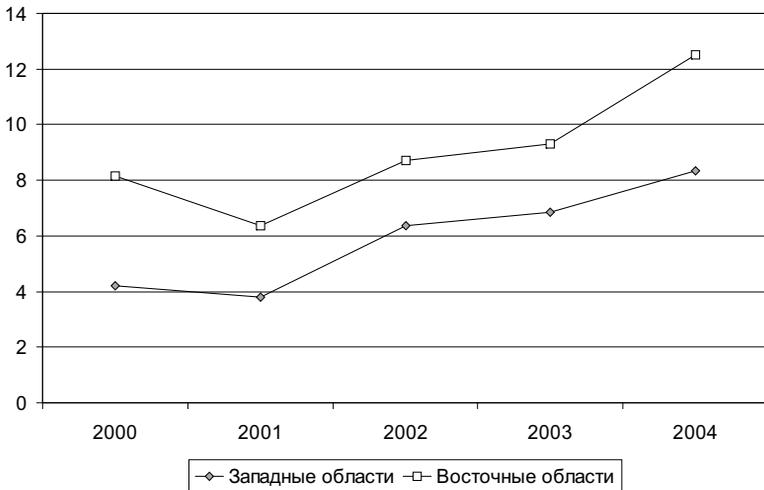

Рис. 8. Показатель хулиганств (на 10 000 нас.) в двух западных и в двух восточных областях Беларуси, указаны средние значения (2000–2004).

Источник: [Прокуратура Республики Беларусь, 2006]

Таблица 2

Число преступлений, совершенных несовершеннолетними в двух западных и двух восточных областях Беларуси (2000–2004)

Регионы	Население в возрасте 15–17 лет (2003)	2000	2001	2002	2003	2004
западные области	133 157	1692	1418	1493	1695	2068
восточные области	135 816	2559	2010	2170	2440	2553

Источник: [Прокуратура Республики Беларусь, 2005].

Литература

- Абдзіраловіч І.* Адвечным шляхам / Абдзіраловіч І. — Мінск: Навука і тэхніка, 1993.
- Кандрычын С.* Дифференциация социального пространства Украины и Беларуси как эффект “столкновения цивилизаций” / С. Кандрычын // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 4. — С. 74 — 96.
- Кандрычын С.* Нататкі да сацыяльна-дэмаграфічнага раянавання Беларусі / С. Кандрычын // Грамадзянская альтэрнатыва. — 1999. — № 6. — С. 27 — 41.
- Прокуратура Республики Беларусь. Отдел анализа практики прокурорского надзора. Криминологическая характеристика хулиганства в Республике Беларусь за 2000–2005 гг. — Минск, 2006.
- Прокуратура Республики Беларусь. Отдел ситуационно-аналитического обеспечения. Криминологический анализ преступности несовершеннолетних в Республике Беларусь за 2000–2005 гг. и эффективности мер по её предупреждению. — Минск, 2005.
- Тойнби А. Дж.* Исследование истории : [в 3-х т.] / Тойнби А. — Санкт-Петербург : Университетское, 2006.
- Чепелевская Л.А.* Медико-социальный анализ смертности населения Украины / Л.А.Чепелевская // Лікарська справа. — 1995. — № 3–4. — С. 182–187.
- Barrington L.W.* One Ukraine or many? Regionalism in Ukraine and its political consequences / L.W. Barrington, E.S. Herron // Nationalities Papers. — 2004. — Vol. 32 (1). — P. 53–86.
- Bourdieu P.* Outline of a theory of practice / Bourdieu P. — Cambridge : Cambridge University Press, 1977.
- Braudel F.* A history of civilization / Braudel F. — N. Y. : Penguin Books, 1995.
- Braudel F.* History and the social sciences : The longue durée / Braudel F. ; F. Braudel (ed.) On history: 25–54. — Chicago: University of Chicago Press, 1980. — P. 25–54.
- Braudel F.* Morze śródziemne: Przestrzec i historia, ludzie i dziedzictwo. / Braudel F. — Warszawa : Volumen, 1994.
- Giddens A.* Central problems in social theory / Giddens A. — London : Macmillan, 1979.
- Huntington S.P.* The clash of civilizations? / Huntington S.P. — N. Y. : Foreign Affairs Reader, 1993.
- Kandryčyn S.* Geografia społeczna i kontury historii: Podziały historyczne Białorusi w świetle danych statystyki społecznej, medycznej i demograficznej / Kandryčyn S. — Warszawa : Semper, 2008.
- Kondrichin S.V.* Suicide in the Ukraine / S.V. Kondrichin, D. Lester // Crisis. — 2002. — 23. — С. 32–33.
- Vovelle M.* Ideologies and mentalities / Vovelle M. — Cambridge : Polity Press, 1990.